

СЕРИЯ
«МИРЫ МАРИНЫ ЭЛЬДЕНБЕРТ»:

МОЙ ЛОРД ИЗ ДРУГОГО МИРА
ДЕВУШКА В ЦЕПЯХ
ЦЕПИ ЕГО ДУШИ

Марина Эльденберт

ДЕВУШКА В ЦЕПЯХ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Э53

Эльденберт, М.

Э53 Девушка в цепях / М. Эльденберт. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 388 с. : ил. — (Миры Марины Эльденберт).

ISBN 978-5-521-92900-9

«Девушка в цепях» — картина, подарившая мне надежду на новую жизнь и встречу с опасным мужчиной, чьё лицо скрыто под маской. Одна ошибка, и я в плену магического долга. Долга, о котором в приличном обществе не принято говорить. Долга тому, чья магия сокрушительна и жестока. Пауль Орман привык получать все и вся, и теперь рядом с ним девушка в цепях — это я.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92900-9

© Марина Эльденберт, текст, 2020
© Ирина Косулина, дизайн обложки, 2020
© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

П Р О Л О Г

Колесо угодило в выбоину, взметнув фонтанчик яростных брызг. Я даже понять ничего не успела, когда содержимое единственной в округе лужи хлынуло на меня, окатив с головы до ног. Мобиль пролетел с такой скоростью, что следом за ним чуть не улетела шляпка, державшаяся на честном слове, то есть на собственноручно сооруженной впопыхах прическе. Проходившая мимо женщина с корзиной сочувственно на меня покосилась, а я отошла в сторону, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Масштаб оказался... масштабным.

Пальто было испорчено безнадежно: грязные брызги намертво впитались в кремовый фетр. Несмотря на стремительный прогресс, улицы Лигенбурга даже в центре с очень большой натяжкой можно назвать чистыми. И дело даже не в том, что дым с промышленных окраин оседает везде, куда доберется. После изобретения мобильных пыли стало в десятки раз больше, а наши дороги... ну, не сказать, чтобы для них приспособлены.

Я стянула перчатку и потеряла крохотное пятнышко на запястье, которое тут же стало еще больше. Случись такое в любой другой день, мне было бы все равно, но сегодня...

Хотя в любой другой день со мной такое вряд ли могло бы случиться. Это пальто я купила на последние сбережения для встречи с директором музея искусств, мистером Ваттингом. Встречи, от которой зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Ладно, пусть даже пальто погибло, но встреча еще нет.

В моих, и только в моих силах сделать все, чтобы ему понравилась моя картина.

Я решительно поправила на плече трубу с холстом и сквозь людской поток зашагала к площади Витэйра, сразу за которой располагался музей искусств. Огромное трехэтажное здание, с окнами в мой рост, занимавшее целый квартал. Раньше здесь была городская резиденция графа Аддингтона, участника заговора против короны, но после его гибели особняк отошел государству, как и все его земли. Ее величество Брианна распорядилась перевести в особняк лигенбургский музей искусств, поэтому теперь здесь проходили все самые известные выставки. Несколько раз мы посещали их с леди Ребеккой, женщиной, которая заменила мне мать. Тогда я и подумать не могла, что однажды смогу здесь выставиться.

Чем ближе я подходила, тем сильнее колотилось сердце, но у дверей музея меня ожидал сюрприз.

«Выходной», — гласила надпись на табличке, возвышающейся на бронзовой ножке.

Центральный вход оказался закрыт, так же, как и ворота, ведущие во внутренний двор. Каменные стены протянулись коридорами под открытым небом, заворачивающими так резко, что дальше ничего не рассмотреть. Как раз в тот момент, когда я об этом подумала, часы пробили десять. А это значит, что до встречи осталось... пятнадцать минут.

Я в жизни так не бегала.

Пролететь вдоль дома, за ним еще полквартала, нырнуть в переулок, а потом бежать назад с другой стороны. Запахи

дыма, дерева и выпечки смешивались с бодрящей свежестью. Осеннее утро выдалось холодным: несмотря на яркое солнце, ветерок покусывал щеки. Близость Бельты делала его еще более сырым и колючим, поэтому я была искренне рада, когда добралась до служебного входа. К счастью, калитка в высоких кованых воротах с королевским гербом оказалась не заперта. Я притормозила, глубоко вздохнула и степенно, как положено благовоспитанной мисс, направилась к двери.

Под навесом стоял мобиль, в котором, укутавшись старым пледом, дремал шофер. Раньше здесь наверняка была конюшня, но с появлением изобретения, позволяющего преодолевать расстояния значительно быстрее, от экипажей многие отказывались в их пользу. Те, кто мог себе это позволить, даже нанимали водителя, который возил по делам и по развлечениям.

Массивная дверь поддалась с тяжелым скрипом, эхо разнеслось по коридорам.

— Доброе утро! Мне назначено, — облегченно выдохнула суровому мужчине за конторкой. — Мисс Шарлотта Руа к мистеру Ваттину.

На приветствие он не ответил. Его вздернутый острый подбородок создавал ощущение, что голова вот-вот откинется назад, но вопреки этому она тяжело устремила вниз, словно собиралась проткнуть журнал с записями. Заскорузлый палец заскользил по строчкам и замер. После этого он поднял голову и спросил:

— Посыльная?

— Художница.

Выражение лица мужчины стало еще более суровым, особенно когда он заметил тубу за моей спиной. Негоже женщинам заниматься искусством. И всем остальным тоже негоже, все это явно читалось в опущенных уголках губ и тяжелом взгляде. Так же тяжело он указал направо.

— Пройдете три пролета, повернете и увидите дверь из туанэйского дерева, с золоченой ручкой. Это кабинет мистера Ваттинга. Только непременно постучите перед тем, как войти, а дальше вам секретарь все укажет.

«Непременно» он выделил так, словно я была не в состоянии понять, что это значит.

Слова благодарности застыли на губах, поэтому просто шагнула в сторону указанного коридора.

Случайно зацепилась взглядом за висящее на стене зеркало и ахнула. Я напоминала не то леопарда-альбиноса, не то что-то пятнистое, науке неизвестное. Из приличного во мне осталась только прическа. Слабый огонек светильника превращал подхваченные лентой локоны в огненные нити, глаза сверкали, на щеках два красных пятна, грудь тяжело вздымается. Брызги пятнышками темнели не только на одежде, но и на лице. Сдавленно охнув, я судорожно раскрыла ридикюль и принялась в нем копаться в поисках платка. Вместо него нашлись ключи, блокнотик с записями сюжетов для картин, смятая пачка леденцов, в которой сиротливо брякал последний, и...

— Возьмите.

Хриплый голос заставил подпрыгнуть. Стоявший позади мужчина шагнул ближе. В полумраке холла я отчетливо рассмотрела маску, прикрывающую большую часть лица, и руку, протягивающую платок.

— Спаси...

Не говоря ни слова, он направился дальше по коридору. Слегка прихрамывая и сутулясь.

— ...бо, — закончила я, глядя в удаляющуюся спину.

Пятнышки оттерлись быстро, и, наскоро затолкав платок в сумочку, я поспешила в кабинет. Секретарь, оценив мой вид, предложил разместить пальто на вешалке, чему я была несказанно рада. Забрызганную шляпку водрузила туда же,

оставшись в скромном серо-голубом платье с камеей на воротнике.

В кабинете мистера Ваттинга было светло. Солнце плескалось в гранях стеллажей с книгами и полировало лысину владельца. Наверное, при желании в нее можно было смотреться, как в зеркало. Едва успела подумать, что в голову от волнения лезет всякая ерунда, как сам он, невысокий полный джентльмен в костюме-тройке, поднял на меня взгляд. От волнения под перчатками вспотели ладони, но я все-таки сделала книксен (насколько позволяла болтающаяся за спиной туба) и поздоровалась.

— Мисс Руа. Проходите, присаживайтесь.

Я подхватила тубу поперек и поставила ее у стола, устроившись в предложенном мне кресле.

— Значит, вы протеже Грэгори.

От меня не укрылось, что графа он назвал по имени, а вот «протеже» неприятно резануло слух.

— Не протеже, гувернантка его сына, — поправила я. — Граф Вудворд узнал о том, что я пишу картины, и был очень любезен, когда...

— Конечно-конечно, — перебил меня директор музея. — Ну, покажите, что у вас там.

Я быстро стянула перчатки и осторожно достала картину.

Над ней я работала более полугода, она занимала все мои мысли и все свободное время... да что там. Я не могла спать, не могла есть, а едва вернувшись с занятий с Илайджей, сразу бежала к мольберту. Иногда вспоминала о том, что надо поесть глубокой ночью, а иногда не вспоминала вообще. Валилась с ног от усталости, но все-таки вставала пораньше, чтобы успеть добавить несколько штрихов. И вот теперь осторожно развернула холст, расстелив его на столе перед мистером Ваттингом. От волнения руки дрожали, но я даже

не уронила крышку тубы себе на ногу (как сегодня утром, когда собиралась).

— Гм... — Он едва скользнул взглядом по картине, а потом перевел его на меня. — Это вы написали, мисс Руа?

От того, как это было сказано, краска залила щеки.

— Разумеется, я.

Пару секунд мистер Ваттинг буравил меня взглядом.

— Вынужден вам отказать, — сказал он и подвинул холст двумя пальцами в сторону.

Кабинет сузился до полотна, а потом снова растянулся в полный размер. Руки похолодели.

— Но вы даже не взглянули толком.

Снисходительность сменилась раздражением.

— Я слишком ценю свое время, мисс Руа, чтобы отчитываться перед вами о причинах своих решений. Поэтому прошу...

— Позвольте.

Как и в прошлый раз хриплый голос раздался из-за спины, только на сей раз подпрыгнули мы вместе с директором. Серебристый набалдашник коснулся стола, и пальцы мистера Ваттинга отпрыгнули от холста, словно его могли ужалить. Я же, напротив, замерла, глядя на трость, едва касающуюся уголка картины. И моего локтя. Затянутая в платье, я почему-то почувствовала ее, как раскаленную сталь на обнаженной коже. А еще присутствие у себя за спиной: мужчина стоял гораздо ближе, чем допускали приличия, но прежде чем я успела об этом заявить, меня уже обошли. Трость скользнула в его руку словно на невидимой нити, легла как влитая. Маска открывала только губы и подбородок, и я вдруг поняла, что смотрю на эти самые губы. Сжатые в тонкую линию.

Вспыхнув, отвела взгляд.

— Ох... Месье Орман, не знал, что вы заглянете сегодня. Безумно рад вас видеть! — Директор музея как-то подозри-